

Глава 185: Мой Хранитель Цилан

Сыма Чжан начал реагировать. С посеревшим лицом он наблюдал, как шпилька в руке Чэнь Жуна входит все глубже в его плоть, и наконец крикнул:

— Отлично, я его отпущу!

Он посмотрел на Чэнь Жуна и в отчаянии спросил:

— Ты меня слышал? Убирайся!

Чэнь Жун не шевелился.

Его шпилька продолжала давить.

Сначала послышался звук легкого удара ножом, а затем откуда-то от горла принца по его груди потекла струйка крови. Хотя удар оказался неглубок, тем не менее, для такого избалованного человека, вроде Сыма Чжана, угроза казалась вполне реальной.

— Ты сошел с ума, жрец?! Я же сказал тебе убираться, разве ты не слышал? —закричал он не сумев удержаться и уже паникуя.

Ван Хун и его люди прислушивались к происходящему внутри. Когда стражники уже собирались ворваться в комнату, Ван Хун, со слабой улыбкой махнул рукой, и мягко вздохнул, покачав головой.

— Дадим ему остыть, он знает свои пределы. Императрица на редкость выдержан.

Услышав его слова, они отступили.

Внутри Чэнь Жун слабо улыбнулся, услышав отчаянный крик Принца. Уставившись на него глазами полными усталости, он поглубже вдавил шпильку и холодно произнес:

— Вашему Высочеству следует поблагодарить Ван Цилана. Если бы не его приезд, ты бы уже стал мертвецом.

Звук его голоса обволакивал негой флера, но он с отвращением посмотрел на принца и бросил взгляд на людей в углу.

Как только он повернулся уходить, дверь распахнулась, и он увидел Ван Хуна и его охранников-гвардейцев.

Он подоспел к его выходу из комнаты.

При виде его, Чэнь Жун помотал затуманенной головой, но даже тогда его зрение осталось настолько неясным, что он снова ударил себя шпилькой по левому запястью. Окружающие посмотрели на его фарфоровое запястье, где они увидели четыре раны: одна еще свежая, а три другие успели подсохнуть... Оказалось, что он резал себя, чтобы оставаться в сознании.

Ван Хун перевел взгляд на его раны. Он ускорил шаги, поспешив к нему подойти.

Не глядя на него, он достал носовой платок и осторожно перевязал ему запястье. Когда он увидел, что его носового платка недостаточно, чтобы остановить кровотечение, то разорвал рукав и приложил ткань к его ранам. словно выполняя традиции отрезанного рукава...

Он был нежен и осторожен и не отпустил его руки после окончания перевязки.

Крепко держа его за руку, Ван Хун медленно поднял глаза.

Зрачки у него были ясные и живые, как осеннее озеро. Чэнь Жун тоже уставился на него. Под действием наркотика из его глаз исчезла обычная небесная холодность, а вместо нее появилась некая изумленность. Если бы он не был одурманен, то никогда не посмотрел бы на него такими влюбленными глазами.

Ван Хун внезапно притянул его к себе. Запах крови и этот взгляд будоражили сильнее темных благовоний.

— А Жун, А Жун... — позвал он его хриплым голосом.

Чэнь Жун на мгновение замер, а затем вырвался из его объятий и отстранился. Но он все еще продолжал смотреть на него в ошеломлении ... его взгляд имел столько сосредоточенности, что он, казалось, оставил все своё упрямое противостояние и душевную боль, чтобы просто запечатлеть эту любовь в своем сердце, глупо показывая ее миру.

Его взгляд был слишком пылким, слишком болезненным и слишком трагичным... в этом холодном и абсурдном мире никто больше не любил кого-то столь же безумно.

Ван Хун внезапно почувствовал, как у него защемило глаза. Глядя вверх, через несколько мгновений он снова заключил его в объятия.

Он крепко обнял Чэнь Жуна, а затем отпустив его, повернулся и пошел к Принцу Сыма Чжану.

Он сделал только один шаг, когда Чэнь Жун потянул его за руку. Он все еще смотрел на него снизу вверх, как маленькая птичка, совершенно не похожий на себя обычного. Он выглядел

немного глупым, немного уязвимым и немного целеустремленным одновременно. Ну а в целом очень юным и неопытным одаренным.

Ван Хун мягко улыбнулся. Он взял его на руки и направился к Принцу.

Небольшая рана на шее Принца Сыма к этому времени уже затянулась. Он устался на находившегося в трансе Чэнь Жуна.

Когда Ван Хун приблизился, принц вдруг вздохнул и поднял взгляд в небо, сказав при этом другому мужчине с небывалой искренностью:

— Никогда не смогу тебя одолеть. Как я понимаю Мужун Кэ.

Темные благовония были одновременно и афродизиак, и галлюциногеном. Они удерживали людей в наркотическом трансе и раскрывали их скрытые желания, одновременно усиливая их в десятки раз. В дополнение к сексуальному инстинкту, под их влиянием задействовались и истинные желания одурманенного. По этой причине у тех, кто пользовался благовониями, оставалось остаточное сознание. Они все прекрасно помнили из произошедшего под влиянием благовоний.

У аристократов не было недостатка ни в партнерах, готовых лечь в постель, ни в наркотиках на любой вкус. Как только любой афродизиак подействует, добродетельная вдова или невинный мальчик могут легко обратиться в шлюх. Единственная причина, по которой аристократы предпочитали темные благовония, заключалась в том, что даже под их воздействием партнер сохранял свою индивидуальность, несмотря на то, что их желания контролировались.

Принц невольно взглянул на Чэнь Жуна, укрывшегося в объятиях Ван Хуна.

— Этот мальчик слишком одержим, но это делает его достойным твоей бережной охраны.

— Моя мать когда-то смотрела на моего отца точно так же... — рассказывал он с отсутствующим взглядом в глазах. — Жаль, что она проявила глупость, поэтому Император легко бросил ее после рождения сестры, которую требовал прадед наверняка для каких-то своих целей. Даже после своей смерти моя бедная мать никогда не получала жалости от моего отца. Он так и не назвал её императрицей, сохраняя этот титул за своим первым казненным прадедом супругом-одаренным.

Принц Чжан вдруг откинул голову назад и расхохотался. Его рана на шее раскрылась и из нее хлынула кровь.

— Мимолетно на востоке, мимолетно на западе задерживаются наши души, когда же мы отдохнем? Когда же мы отдохнем ..?

Не обращая внимания ни на Ван Хуна, ни на свою кровоточащую шею, он взмахнул шитыми золотом рукавами и бешено помчался прочь, продолжая безумно смеяться и горланить траурную песню.

Поглядев вслед Принцу и многочисленной страже, прибывшей из-за его истерики, к Ван Хуну подошел советник и тихо сказал:

— Нам следует идти, Цилан. Император приказал доставить жреца Бисе в его храм.

Вперед вышел еще один советник. Он поклонился ему, с поднятыми перед собой кулаками:

— Мастер, на лучший результат рассчитывать не стоит.

Холодно улыбнувшись в сторону, куда унесся Принц Цзянькана, Ван Хун согласно кивнул.

Они повернулись и вышли.

Когда они вышли, стражники принца Ин, доставившие Чэнь Жуна сюда, расступились и пропустили их.

Вскоре Ван Хун уже увозил Чэнь Жуна в своей повозке.

Моцзюй уверенно поехал по дороге в направлении Сишань.

В повозке Чэнь Жун уютно устроился в объятиях Ван Хуна, все еще глядя на него снизу вверх. Как будто его подсознание желало не спускать с него глаз, чтобы наполнить образом из прошлого в будущее, чтобы хватило на всю жизнь.

Прежде, чем опустить к нему глаза, ВанХун отдал охранникам несколько приказов.

При виде влюбленных глаз Чэнь Жуна, его руки обняли юношу.

— А Жун? — позвал он обнимая его, и приблизил к нему лицо, после чего осторожно облизал окровавленное запястье, очищая кожу от крови и зализывая его ранки. Легкое рычание соскользнуло с его губ.

— Хм? — ошеломленно ответил Чэнь Жун.

— А Жун, ты меня любишь? — спросил он поцеловав юношу в лоб, услышав его мягкий ответ и засмеялся. Пытаясь совладать с собой.

— Люблю, — пробормотал юноша совершенно искренне, услышав его вопрос. Он продолжал держаться за его рукав, оставаясь в наркотическом трансе и не контролируя слова.

Ван Хун расплылся в улыбке.

— Тогда ты пойдешь со мной? — увидев его затуманенные глаза, он мягко объяснил, касаясь своими губами его век, — В мою семью.

Чэнь Жун наклонил голову и посмотрел на него, как будто не понимая о чем он толкует. Через некоторое время он пробормотал:

— Дом? — он покачал головой и глупо, по-детски улыбнулся. — Ты пьян, Цилан? У меня нет дома.

Он хихикнул, поглаживая гладкий подбородок Ван Хуна.

— Господин, Вы выглядите точно так же, как мой Цилан, — прошептал он, проведя пальцами по его коже.

— Мой Цилан? — тихо повторил он услышанное. При этом его тело замерло.

Конечно, находившийся в трансе Чэнь Жун не мог ответить ему. Он ошеломленно смотрел на него, а его изящная рука бессознательно скользнула под его халат, словно опознавая его по другим приметам...

— Ты не другой мужчина, ты точно мой Цилан... — пробормотал он и потянул его за одежду. Он продолжал это произносить, будто уговаривая себя расслабиться. Сказав это несколько раз, он резко упал.

Он вцепился в его руки, его правая рука соскользнула с его отворотов на грудь. Когда обжигающая рука омеги коснулась ледяной кожи молодого вампира, Чэнь Жун облегченно захныкал. Прижавшись пылающим лицом к его груди, он продолжал бормотать: "Он не другой мужчина, он Цилан... мой Цилан. Ну вот точно, что Циланчик"

По мере того как он повторял эту фразу снова и снова в разных вариантах, часть из которых была Цилану не вполне понятна по тому что тот временами переходил на незнакомый язык, его лицо пылало все сильнее и сильнее, а дыхание становилось все более прерывистым.

В этот момент Ван Хун приподнял его подбородок, заставив посмотреть вверх.

Его нефритовое лицо слегка покраснело. Едва приподняв его лицо, когда пояс ханьфу наконец развязали. Кремовая теплая рука скользнула к нижней части живота Цилана.

Внимание! Этот перевод, возможно, ещё не готов.

Его статус: идёт перевод

<http://erolate.com/book/1285/36235>